

“А над Куха-горою туман...”

(стихи о парке Ваккосалми)

Александра ДЕМЕХИНА
г. Сортавала

***

А над Кухой-горою туман,
и не видно вершины.
Ели парка притихли в долине,
опустив руки-ветви в бурьян.

Скоро солнце заглянет в залив,
и тумана не будет!
Ветер сонные волны разбудит,
и полетится весенний мотив.

Иван ДМИТРИЕВ

***

Хорошо с зимою встретиться
в старом парке утром ранним,
и озябнувшее деревце
обогреть своим дыханием;
взять за лапу ель скрипучую
в дружеском рукопожатье
и здоровья наилучшего
на прощанье пожелать ей;
слушать дятла стук по дереву,
притаившись за калиткой,
а потом спросить у серого:
«Голова-то не болит ли?»
И, домой вернувшись засветло,
записать в тетрадку наскоро
все, что делал в день тот самый,
прихотливыми стихами.

2005

Вячеслав ФЕЩЕНКО,
пос.Харлу (Питкяранта)-г.Сортавала-г.Петрозаводск

ПРОГУЛКА ПО НОЧНОМУ ПАРКУ

В парке осени спят ночами
голубые мечты отлете...
Цепь скрипит – карусель скучает,
дождь надолго расставил сети.
Лист березы, как ерш, колючий
рвется прочь из ячей дождливых.
Не осилив берега кручу,
у воды загрустили ивы.

Но судачит листва сухая
на полу потаенной беседки
о счастливых влюбленных мая:
все то видели листья с ветки!
Ветер слушает и вздыхает,
и разносит молву по парку...
Старый сторож камин включает,
и в камерке – светло и жарко.

Начало 1980-х

Дмитрий ГОРОХ,
г.Сортавала-г.Петрозаводск

ПАРК ВАККОСАЛМИ

Сурова жизнь, ее законы;
и человек несправедлив,
когда стришет весною кроны
оживших серебристых ив;
мы не дождемся избавленья
от болей вечных и невзгод
и не провидим направленья,
куда наметить свой полет...

Но как прекрасен парк тенистый!
Протоки сумрачных аллей
струятся так легко и чисто
среди ухоженных полей.
Тут белка прыгает проворно,
еловой шишкой занят клест,
там просит пить и петь задорный
и дерзко голосистый дрозд.

И все так чинно и привычно:
дорожки, клумбы, хвойный лес...
Сюда приходишь, как обычно,
ну а уходишь, как воскрес!
Поверив в Бога априори,
до притягательных вершин
в отвесный склон Кухавуори
врубил ступени гордый финн.

По строгой лестнице надежды,
где память юности свежа,
так хочется взлететь, как прежде,
на сердце руку положи!

Юрий ЛИННИК

ИЗ ВЕНКА СОНЕТОВ «СОРТАВАЛА»

Не наш уют. Не наша красота.
Ты развивал игру воображенья,
чудесный город! Лестница крута –
и живописны скал нагроможденья.

Есть башня наверху. Конечно, та,
что означает рыцаря владенья.
Какой простор! Какая широта!
И силу верных крыл, и страх паденья

я в Сортавальском парке пережил.
На крыше пунцовела черепица,
так ярко создавая ощущение
    пространства сцены.
Как мне город мил!
Но почему опять тревожно спится!
Неизъяснимо детское смущенье.

Елена ГЛИБИНА

***

Сортавала, в снегах Сортавала,
город в строгой оправе зимы.
Да не вьюга ль тебя рисовала,
укрывала от каменной тьмы?

Я тогда прикоснулась впервые
к этой светлой и грустной земле.
Здесь упорствуют корни живые,
укрепившись в щелистой скале, -

словно держат ветрами теснимый
мир – и в бездну упасть не дают.
Здесь так дорог, снегами хранимый,
градских улочек хрупкий уют.

...Мы отправились в парк, где ступени
поднимаются к небу. Вокруг
стыли ели, как прошлого тени,
на холодном стонали ветру.

Но под настом брусничник и вереск
дорогое тепло берегли;
но грядущего лиственный шелест
снеговейные кроны несли.

Эхо падало с кровли ледовой –
и стремительный множило звук.
На снегу, как в Господней ладони,
был распахнутый город – внизу.

***

Камни сирой Кухавуори,
шелестящие сны Суоми...
Очиток на скалистом сломе:
зацветет – забываешь горе.

Нам у травок бы научиться
не бояться – и лезть по кручам;
тонким усиком зацепиться,
как непрочным благополучьем.

Здесь природа глядит волчицей,
и, ощеряясь скалы оскалом,
не дает ни на миг забыться;
здесь довольствуешься малым.

В этой Калевале печальной,
в этой Сортавале летальной
можно лишь очитком наскальным, –
шаг за шагом, камень за камнем;

можно только дыша иначе,
только помня в расколах сих,
что всегда прозорливей зрячих –
око проникновений слепых...

КУХАВУОРИ

Разруха, как злая старуха,
сидит на горбатой скамье.
А парк у подножия Кухи
бормочет бессвязно и глухо,
бесхозный старик в забытье.

Прохожий – в отчаянье шарить
глазами по рваной листве.
Что, осень, что, скряга, подаришь?
Следы беспризорных пожарищ –
огрехи на тонком шитье.

Березы, рябины, рубины
мороженных ягод в кистях.
Осколки, прорехи, руины;
Бог весть кем оплаканный прах.

И хижинки, теремы, храмы
дерев с черепицей хвои;
чужого минувшего драмы;
фундаменты, камни – ничьи.

Фрагменты утекшего быта:
то камень, то рухнувший сруб,
то – остов качелей разбитых,
скрипящий на ржавом ветру.

Как брошенный скарб без призренья,
ветшают и тлеют клочки;
и будто в другом измеренье
над бранным восходят деревья,
как детские сны, высоки.

И к небу восходят ступени
по жесткому ложу скалы.
Над хаосом всех потрясений
из прошлого шествуют тени,
почти не касаясь земли.

Владимир СУДАКОВ

КУХА

Ладонью волны коснусь,
щекой припаду к скале,
и влаги соленый груз
сползет по моей скуле.

По пыльным пройду цветам,
ступени сочту в горе,
с вершины взгляну: густа
трава на моем дворе.
И колет дрова сосед,
и щукой шуршит камыш,
и ласточки тает след,
а Ладога – выше крыш.

Как титры в немом кино –
на стенах обрывки слов,
но флюгер уже давно
застыл поперек ветров,
а дочка плывет в камнях,
заводит мой друг мотор.
Рубаху рвану в сердцах –
теснит родовой простор.

Судьба по руке земной
за веком ушла вдогон.
И пусть отъезжает мой
последний пустой вагон,
и лодка скользит вдоль вех,
а птица – меж облаков.
Но сколько ступеней вверх,
и столько же вниз шагов.

Поглажу волну рукой,
сосну расцелую в кровь.
Пора бы уж на покой,
да держит еще любовь.